

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Ярослав Гашек

**Рассказы
Статьи и фельетоны**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

РАССКАЗЫ
СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Ярослав Гашек родился 30 апреля 1883 г. в Праге в семье учителя. Образование получил в коммерческой академии. Литературную деятельность начал с 18 лет в газетах и юмористических журналах коротенькими, рассказами чеховского типа, которые он называл «юморесками». Уже в этих рассказах он осмеивал религиозное ханжество, семейный быт мелкого буржуа, «коммерческий» брак, парламент и т. п. Первая мировая война и последовавшая за этим мобилизация прервали литературную деятельность начинающего писателя-сатирика. Вскоре он попал в плен и был отправлен в Точские лагеря под Бузулуком (Самарская губерния).

Гашек принял активное участие в революционных событиях в России. Он вступил в коммунистическую партию, с октября по декабрь 1918 г., в разгар Гражданской войны, служил помощником военного коменданта Бугульминского уезда и в политотделе 5-й армии Восточного фронта (в Уфе). После окончания Гражданской войны в России возвратился в Прагу и с этого времени отдался исключительно литературной деятельности. Умер писатель 3 января 1923 г. в Липнице.

Уважаемые читатели!

Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

- © Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
- © Терра—Книжный клуб, 2008

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

Говорят, что большевики заняли Казань. Наш владыка Андрей приказал соблюдать трехмесячный пост. Завтра будем кушать три раза в день картошку с конопляным маслом. Чешский офицер Паличка, который у нас на квартире, взял у меня взаймы две тысячи рублей. Да здравствует Учредительное собрание! Болтовня о взятии Казани красными действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Наши очистили Казань потому, что, как секретно сообщил мне чешский офицер Паличка, в Казань прибыло два миллиона германских солдат. Со всех купцов и купчих, которые попали в Казани в плен красным, содрали шкуру и печатают на ней приказы Чрезвычайной следственной комиссии. Говорят, что придут беженцы из Казани. Надо спрятать сахар из магазина, чтобы немножко повысить цену. У нашей братии из Казани денег много. Да здравствует Учредительное собрание! Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска — ерунда и что все — в стратегическом плане. Офицер Паличка украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!

Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские казаки. Была торжественная встреча. Я выпил две бутылки коньяка и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богатей детей и отдали их на воспитание китайцам. Во всех церквах молитвы. Владыка просит всех православных христиан строго соблюдать пост, так как большевики продвигаются на Самару.

Скушал вчера немного ветчины, а вечером пришла телеграмма, что пала Самара. Одного члена комитета Учредительного собрания отправили в сумасшедший дом прямо из Общественного клуба, где он говорил, что падение Самары — чепуха. Беженцы прибывают. Рассказывают, что большевики всех поголовно режут, а головы буржуев нагружают на специальные поезда и отправляют в Москву, где их бальзамируют и хранят в кладовых в Кремле. Один штабс-капитан рассказывал вчера в Дворянском собрании, что большевики обливают буржуев кипятком, из жен и детей жарят рубленые котлеты, которыми кормят в тюрьмах правых эсеров и кадетов. Купцов обливают керосином и употребляют в таком виде для освещения занятых ими городов. Аристократов и фабрикантов раздевают, варят в специальных машинах, прибавляют обрезанные косы убитых жен аристократов и фабрикуют из этого валенки для Красной Армии. Вчера опять отправили в сумасшедший дом одного из правых эсеров. Звал на базаре баб идти громить Москву и записываться в Русско-чешский полк. Мой офицер Паличка взял у меня взаймы еще две тысячи рублей, которые обещал вернуть в тот момент, когда Народная армия возьмет обратно Казань. Думаю, что этих денег никогда не увижу.

Наши отступили от Бугульмы. Нет никакого сомнения, что это только стратегический маневр и что это ничего не значит. Это очень маленький городок. Газеты пишут, что с нами идут Англия, Франция, Япония и Америка. Сам Вильсон приедет в Уфу. Против этого Бугульма — ерунда. Французский консул уже выехал из Уфы. Наверно, едет навстречу Вильсону. Да здравствует Учредительное собрание!

Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России от большевиков и ее пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на центральной улице увидел настоящего француза с отмороженными ушами. Он продавал в кофейне по два рубля открытки со своей фотографией и подписью: «Капитан Легале». Братя-чехословаки отдыхают немножко от побед и торгуют на базаре спичками, сигарами, папиросами и самогонкой.

Последний эшелон чехословаков исчез из Уфы. Мой квартирант взял с собой мои часы, дочь и шесть тысяч рублей, которые нашел в письменном столе. Наздар! {Чешское приветствие.}

Адмирал Колчак издал приказ об аресте всех учредилковцев. При таких условиях я пришел к убеждению, что Учредительное собрание, так сказать, игрушка. Я потерял с этим Учредительным собранием дочь, двадцать тысяч рублей, золотой портсигар, часы, и вместо этого у меня на руках какие-то векселя. Обманули нашего брата. Да здравствует адмирал Колчак!

Карательный отряд колчаковцев реквизирует у меня пару лошадей, двадцать пудов сахару, сто ящиков спичек и взял в солдаты моих приказчиков. Большевики заняли Чишму. Из французов остались в Уфе только два молодца, которые выступают в цирке. Нашего владыку видали на вокзале у коменданта станции. Он очень интересовался, когда идет поезд на Челябинск. Мне тоже надо сходить на вокзал.

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ПОПА

Жил-был в Уфимской губернии один поп. Звали его Николаем Петровичем Гуляевым.

Это был истинно русский человек, который в старое время за неимением евреев в его селе ездил на погромы в Самару и Воронеж.

Когда пришел переворот, Николай Петрович Гуляев очень испугался, что ему перестанут носить деньги, и поэтому везде говорил, что человеческая свобода должна руководствоваться нравственным законом, а этим законом для деятельности российской революции должна быть воля Божья. Этим нравственным идеалом должны руководить священники — приказчики Господа, а поэтому вся революция должна быть в поповских руках.

К сожалению, большевики держатся несколько другого мнения и думают про попов, что они мошенники, так что Николаю Петровичу пришлось еще больше перепугаться, услышав, что церковь и Советская республика не имеют ничего общего и что его доходы от государства кончились.

Когда пришла эра власти учредилковцев, это была радуга в жизни испуганного Николая Петровича Гуляева.

В проповедях в церкви он объявил народу, что Учредительное собрание есть непосредственное творение Божье, совершенно отличное от всех окружающих его тварей.

Перед сотворением Учредительного собрания Бог держал совет с самим собою, и оно получило благословение господствовать над Уфимской губернией.

— Только, — говорил Гуляев в церкви, — смотрите, чтобы большевики не вернулись. Поэтому молитесь и давайте на молитву, так как теперь все дорого, и вы должны больше платить за молитву ради вашего спасения и искупления, — такова воля Божья.

Малая молитва — 10 рублей, большая — 20. Эта цена предусмотрена Богом, который в несокрушимой твердости над большевиками повысил цены на все продукты.

И случилось так, что Николай Петрович копил денежки, чувствуя большую благодарность к Учредительному собранию, которое защищало его доходы перед большевиками, поменьшку менял старые, царские деньги и керенки на краткосрочные обязательства с подписями членов совета ведомства учредилцов и на длинные грустные векселя.

В один хороший день пришла катастрофа в форме телеграммы следующего содержания:

«Священнику Николаю Петровичу Гуляеву. Так как Учредительное собрание разогнано и члены арестованы, приказываем вам немедленно прекратить молитвы в пользу Учредительного собрания и ввести молитвы за адмирала Колчака». Получив телеграмму, Николай Петрович посмотрел в ужасе на пачку краткосрочных обязательств всероссийского Временного правительства, приказал звонить в колокола и, когда собрался народ, сказал необыкновенным голосом следующую речь:

— Было время, когда весь человеческий род, кроме семейства праведного Ноя, по определению Божию, потопом был истреблен, потому что люди потеряли веру в Колчака и сочувствовали большевикам и Советской власти. И потому Бог сказал об этих людях: «Не вечно духу моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они большевики. Православно-христианское учение состоит в следующем: адмирал Колчак есть один по существу, но троичен в лицах, а именно: адмирал Колчак — Бог Отец, Бог Сын — генерал Войцеховский, и Дух Святы́й — английский посол Колдран. Ура, ура, ура!»

Сказав эти слова, Николай Петрович выбежал из церкви. Когда его догнал церковный староста у леса, Николай Петрович укусил его с криком «Ура, Колчак!».

Николай Петрович Гуляев находится в настоящее время в Уфимской психиатрической клинике в камере № 6. Таскает с собой по камере какие-то бумажки и кричит: «Краткосрочное обязательство. Председатель совета управляющих ведомствами Филипповский. Члены совета: Нестеров, Рудка, Климушкин, Баев; главноуполномоченный всероссийского Временного правительства Знаменский. Вечная память, вечная память!»

В это время приходит всегда в камеру надзиратель и уводит Николая Петровича Гуляева под холодный душ.

УФИМСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

Уфимский купец Иван Иванович не убежал из города с другими буржуями, но остался на своем наблюдательном пункте, в лавке, с определенной целью — заниматься по приходе советских войск спекуляцией и провокацией. Одним из важнейших свойств, отличающих купца Ивана Ивановича от других животных, является дар речи, дар слова.

Иван Иванович пользуется в самом широком смысле этим свойством и злоупотребляет свободой слова при каждой возможности. Его дар слова имеет в уфимской жизни громадное значение. Этот дар не касается того, что он говорит дома, в семейном кругу, а лишь того, что говорит он как гражданин в общественном месте, на базаре, в чайных, в кофейных, у парикмахера и в своей лавке.

Он действует так, чтобы было незаметно, что он сам провокатор, распространяющий ложные слухи с намерением внести панику или образовать новые контрреволюционные элементы и врагов Советской власти. Он никогда не скажет прямо: «Я узнал то и то». Он говорит, что «это слышал», что «это где-то читал».

Он остался в Уфе, чтобы по возможности побольше учинить вреда Советской власти, и действует через публику.

Он идет на базар и разговаривает с торговцами с видом человека, интересующегося капустой, мукой, мясом, салом.

— Вот, — говорит он, осматривая поросенка, — Бугульму взяли белые обратно, и поэтому запрещен выезд в Симбирск.

Он знает психологию базарных торговцев, этой темной массы мелкой буржуазии и деревенских кулаков, которые верят всем идиотским слухам, если только в них есть кое-что неприятное для Советской власти.

— Слава тебе господи, — скажет какая-нибудь старушка, прислушиваясь, и бежит домой, чтобы в кругу темных баб, как попугай, дальше распространять идиотские, провокаторские мысли Ивана Ивановича.

Иван Иванович идет к парикмахеру.

— Сегодня ночью, — сообщает он тихим голосом, — был хороший мороз. — После этой невредной увертюры продолжает: — Интересно, как далеко за таким морозом слышно стрельбу орудий. Так близко было слышно стрельбу, что сразу подумал, что белые не дальше пятнадцати верст от города.

Иван Иванович хорошо знает, что у парикмахера ждет своей очереди такой же враг Советской власти, как он, купец Захаров, который обязательно своим знакомым скажет: «Наши пятнадцать верст от Уфы» — и потом прибавляет равнодушно:

— Сегодня привезли много раненых.

Исполнив в парикмахерской свою провокаторскую задачу, Иван Иванович идет в кофейную. Знает, что там сидят и болтают бывшие буржуа, у которых предприятия взяты на учет.

Этим приносит большую новость: «Дутов взял Казань и Москву! Петроград занят союзниками».

Все знают, что это идиотство, но все-таки на них действует эта глупая болтовня очень приятно.

Иван Иванович с невозмутимым видом продолжает, что Дутов арестовал Совет Народных Комиссаров, что он это слышал на вокзале.

Все опять знают, что Дутов разбит под Оренбургом, но это им не мешает распространять все эти провокационные слухи по городу, в среде врагов Советской власти.

Вы слышите сегодня, что занят Бирск, завтра Стерлитамак, и не знаете: или смеяться над идиотами, или взять револьвер и пустить им пулю в лоб. Это последнее, по-моему, есть самое лучшее средство борьбы с провокаторами.

Во время Французской революции провокаторов не гильотинировали, а вешали.

Ввиду того, что веревка у нас отменена, предлагаю всех этих провокаторов Иван Ивановичей на месте расстреливать.

ТВОРЧЕСТВО ЭСЕРОВ

Анализируя всю эсеровскую литературу, приходишь к выводу, что они все свои дешевые диссертации и ненужные проекты писали от скуки. Творчество эсеров стало синонимом нелепости и безумия. Только эсеры могли говорить в своих брошюрах такой вздор, потому что человек обыкновенно говорит глупости, когда сам знает, что неправ.

Эсеры — «люди грустного подвига» — ставили себя в центре мира, который представляли себе как огромное Учредительное собрание.

Какой-то Б. К. в газете «Армия и народ» ставит эсерам на голову свержчеловеческий ореол и поет: «Большевики погигнут, а нам нет конца». В среде эсеровских писателей было вообще очень мало людей, сознающих неминуемую катастрофу, которые бы запели «Голова ты моя удалая, долго ль буду тебя носить», как запел один сознательный офицер-эсер из русско-чешского полка в «Уфимском вестнике».

Несмотря на это, большинство эсеров не отказалось бы от обожествления партии, а какой-то Зазыков в том же «Вестнике» пишет: «Я хорошо знаю, что нет ни одного рабочего и крестьянина в России, который бы не считал правильной нашу политику, которая есть благовест для всего мира и величественный и торжественный манифест».

Чаще бред в эсеровской литературе касается директив, данных ЦК соц.-рев. для работы среди широких масс. Так, в брошюре «Товарищам, работающим в деревне» обращается внимание агитаторов на целый ряд ложных, провокаторских слухов, которыми следует воспользоваться в деревне при общей критике большевизма.

«Надо сказать крестьянству, — пишут эсеры в этой брошюре, — что на почве раздела земли явится неизбежное междоусобие в деревнях и усилится анархия. В таком направлении нужно ставить в деревне аграрный вопрос в связи с большевизмом.

При разборе в деревнях рабочей политики большевиков необходимо указывать, что большевики закрыли все фабрики. Но если вам не будут верить, если вблизи работают фабрики, можно сказать так, что большевиками введенный рабочий контроль уничтожил рус-

скую промышленность». Эсеровские фокусники и шарлатаны, собрав таким образом симпатии всех кулаков и фабрикантов, с каким-то игнорированием всякой разумной критики обращаются в другой брошюре «ко всем членам партии, работникам профессионального движения, рабочим организациям», умоляя их, чтобы они не были организациями революционными.

Эсеровские фокусники протестуют против объявленного большевиками обязательного участия всех рабочих в профессиональных союзах. В этой брошюре они называют себя красиво: «Инициативное меньшинство пионеров профессионализма».

Психиатр бы именовал это так: «Слово, потеряв связь с реальным миром, теряет и логическую связь последнего. Мы тогда получаем речевую запутанность».

Такую речевую запутанность видим мы и в брошюре Е. М. Тимофеева «Пути к миру», где он пишет: «Брест-литовский мир есть извращение природы этой революции. Брест-литовский мир может уничтожить только Учредительное собрание. Кампания за демократический мир требует и борьбы за Учредительное собрание».

В конце брошюры красуется лозунг, что «соц.-рев. нужно восстановить связь с коалицией Согласия».

Эту связь наконец им удалось восстановить. Коалиция дала денежные суммы адмиралу Колчаку, который повесил нескольких членов Учредительного собрания и веревкой указал им путь к борьбе за определенную линию мировой политики. А так, в общем, эсеровская литература принадлежит истории.

Учредилка эсеров не пережила морскую бурю. Спаслось несколько человек, которые совсем голые вылезли на берег, пали на колени и сказали: «Боже, не позволяй мне больше осуждать, чего я не знаю и не понимаю».

И, стуча зубами от холода, пошли согреться к большевикам.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ

В субботнем номере «Нашего пути» я читаю статью «К попу послали», где автор удивляется, что в отделе социального обеспечения не знают Декрета об отделении церкви от государства и направ-

ляют мать, которая пришла получать пенсию за убитого сына-красноармейца, к попу за выпиской из метрической книги.

Этому я никак не удивляюсь, потому что в советских учреждениях везде сидят замороженные чиновники, на которых наложен тяжкий подвиг с умом понимать время, которое пришло.

Для этих чиновников советский строй остается непонятным.

Они служили царю, служили Керенскому, служили белым. Только вывески над учреждениями перекрасились с занятием Уфы нами, но внутри остались те же самые попугаи, которые не стремятся к пониманию окружающего.

Для этих чиновников советский строй остается вполне непонятым — они не могут помириться с новой жизнью.

Они ничего не понимают, их не интересуют декреты, это для них гораздо покойнее.

Притом говорят: «Мы только служим, мы беспартийные». При этом страшно обидно, что много партийных интеллигентных людей или искренне сочувствующих Советской власти не могут найти в Уфе никакой должности, потому что в советских учреждениях находятся беспартийные глупцы, которые плачут при снятии икон в советских учреждениях.

Мне столько раз приходилось проходить советскими учреждениями, и я наблюдал, что жизнь в них проходит как-то глухо.

Во многих местах не чувствуешь, что ты в советском учреждении, а в каком-то союзе статских советников и ждешь, когда тебе скажут, что в канцелярию ходить в валенках неприлично.

В народном банке, например, хорошо одетых людей встречают с каким-то восторгом и называют их «господами».

Из финансового отдела управления губернией дали печатать бухгалтерские книги с рубрикой «Министерство, департамент» и очень удивились, когда я им сказал, что уже министерства нет. Не смогли на это ответить ничем иным, как «Это старая форма».

Везде встречаешь такие «старые формы».

Красный свет бьет в окно, но в комнатах сидят люди с воспоминаниями о кадетской жизни, не интересующиеся в настоящее время ничем, кроме сосиски с капустой.

Если бы их раздеть, то на груди их можно было бы найти портрет губернатора.

Они остались служить Советской власти, потому что им деваться некуда. Эти безобидные люди презирают Советскую власть, но тем не менее служат ей.

Они не поняли новую жизнь, они замороженные и растают только на своем солнце, которое, конечно, вне советского строя.

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ, ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ

Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не отнесился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он.

На базаре платишь за пуд картофеля шесть рублей, а у него за фунт — один рубль пятьдесят копеек. Смотришь с ужасом на картофель и думаешь, что вот-вот он скажет своей жене насчет тебя: «Гляди-ка на мерзавца, точно сгорает страстью к картошке».

В своей лавке он является деспотом. Покупатель в его глазах дрянь, а он, смотря на испуганную бакалейную публику, говорит: «Тяжело мне возиться с этой сволочью».

А вечером, считая кассу, все эти драные марки, рублевки, пятерки, купоны и грязные керенки, которые обобрал он с рабочего народа, вздыхает: «Ах ты, работа моя неблагодарная», и лицо у него в это время убийцы, идиота, не понимающего своего преступления.

Но в лавке его капризам нет конца.

— Не до гляденья тут, коли купить не хочешь, — говорит он старушке, которая не может встать с места, потому что он ей сказал, что фунт постного конопляного масла стоит сорок рублей. — Зачем стонешь, родить, что ли, собираешься?

— Да разве вы не слышали, — обращается он к публике, — что теперь в Москве фунт стоит сто рублей?

Все знают, что толстый разбойник врет, но их участь в его руках. Ошеломленные, они ждут, а что же скажет он дальше. Старушка собирается прийти в чувство.

— Берите по сорок рублей фунт конопляное масло, — слышен тихий голос кровопийцы, — а то завтра будет по сорок восемь рублей.

— Это спекуляция, — сказал кто-то.

— Не мурлыкай, братец мой. Какая тут спекуляция? Морозы страшные, каких Уфа еще не видала, гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт заплаतिшь. Наше дело купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе товар.

— Тридцать рублей даю за фунт, — говорит кто-то из публики несмелым голосом, как бы опасаясь, что за это слово поведут его на плаху.

— Издевайся, — отвечает лавочник Булакулин, — тридцать рублей за фунт конопляного масла! Уничтожить меня хочешь, сделать нищим, что ли? Хочешь, чтобы я утопился? Ведь у меня, чать, ребя-тишки есть!

Лицо лавочника становится утомленным, безнадежным.

Бакалейная публика понимает, что все пропало, и покупает фунт конопляного масла за сорок рублей.

— Почему колбаса? — спрашивает новый покупатель.

Лавочник долго молчит и чешет затылок. Неделю тому назад колбаса продавалась по три рубля фунт. В среду — двенадцать рублей, в субботу — шестнадцать рублей, а сегодня, в понедельник...

Вопрос тяжелый

— Это самая хорошая колбаса, — рекомендует он смесь лошадиного мяса с мукой, — это настоящая краковская, цена двадцать два рубля за фунт.

Лавочник Булакулин опять слышит слово «спекуляция» и обиженным тоном твердо заявляет:

— Говорить и рассуждать вам нечего, вы посмотрите в Уфе, как в других бакалейных лавках. Разве мне ради вас обанкрутиться, что ли?

...В полном восторге бывал лавочник Булакулин, когда кто-нибудь спрашивал его, нет ли спичек.

Первый ответ его был самый неутешительный.

— Можете из меня щепы нащепать, а спичек не найдете. Не стоит продавать, цена очень высокая. Я сам покупал десяток за сто двадцать рублей.

В амбаре у него были спрятаны два ящика еще от того времени, когда коробка стоила копейку.

— Если хотите, я вам могу отпустить, — продолжает дальше кропийца, — коробку за двенадцать рублей.

— Не хочу, не надо.

Лавочник Булакулин потрясает кулаком.

— Какой неблагодарный народ, харя.

Испуганный уфимский обыватель машинально вынимает из кармана двенадцать рублей, берет коробку спичек и шепчет:

— Простите меня, окаянного, больше не буду дразнить, — и бегаёт из бакалейной лавки с убеждением, что случайно спас себе жизнь.

Никогда в жизни мне не было страшно, только один раз. Это было в лавке Булакулина.

При воспоминании об этом случае еще сегодня у меня бегают мурашки по телу.

Я пришел в этот страшный день спросить в бакалейной лавке Булакулина, сколько стоит холодная котлета, которую я видел среди сыра и колбасы.

— Двадцать рублей, — сказал Булакулин таким страшным голосом, от которого у меня зашевелились волосы на голове.

В этом голосе было все: и «руки вверх», и удар обухом, топором. Далее ничего не помню. Лежу в лазарете, и врачи говорят, что у меня воспаление мозга.

...Вчера я спросил санитаря, что случилось с лавочником Булакулиным. Говорят, что его за спекуляцию расстреляли и что он упорно молчал и только перед смертью, когда он уже стоял у стенки, спросил себя: «А может быть, я очень дешево продал колбасу? Может быть, спрятав ее, я бы нажил на две тысячи рублей больше?..»

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

Первого марта старого стиля в День св. мучеников Нестора, Тринимия, Антония, Маркелла, девицы Домнины и Мартирила Зелепецкого, мощи которых оскорбили большевики, вступила в Уфу освободительница нас, буржуев и капиталистов, — народная армия императора Колчака I, самодержавного царя всесибирского,

омского, тобольского, томского и челябинского. С гордостью теперь говорю: «Я буржуй!» Пришла свобода для всех нас, богачей, а для этой рабочей и крестьянской дряни кандалы, ссылка, Сибирь, веревка и расстрел.

Только меня возмущает маленькое недоразумение, которое случилось после обеда. Мы, буржуи, собрались с хлебом и солью встречать наших освободителей, а вместо них встретили по ошибке эскадрон красного кавалерийского полка, который чуть нас всех не изрубил. Я испугался так, что вечером, когда пришли настоящие освободители, лежал на кровати в горячке и видел перед собой только шашки красной кавалерии. Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак, царь православный всесибирский!.. Сегодня я благоговейно молился в храме с другими купцами и буржуями о благе нашем и счастии. Как нам свободно теперь дышится! На улицах опять стоят городовые, никто не смеет взять ничего на учет. На своих квартирантов я прибавил по 100 рублей в месяц за комнату. Живет у меня самая пролетарская сволочь. Я им теперь покажу! Сегодня был с доносом у полицмейстера на портного Самуила, жида-беженца, который прежде всегда говорил, когда здесь были большевики: «Свет, воздух, свобода!» Я очень рад, что его арестовали и расстреляли. «Свет, воздух, свобода!» Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак I!..

Сегодня вступил в город полк Иисуса Христа. У солдат вместо нашивок белые кресты. Я говорил с одним офицером, бывшим батюшкой из Казани, который мне сообщил, что задача полка Иисуса Христа — вырезать всех большевиков и жидов в России, в Европе и освободить Иерусалим от турок и жидов. В полку Иисуса Христа есть специальная пулеметная команда из духовенства... Настоящая весна для нас, буржуев, после большевистской зимы. Все улицы украшены яркими золотыми погонами. Везде слышно: «Ваше благородие, ваше высокоблагородие, ваше превосходительство». Если солдат не отдает честь и не становится во фронт, бьют его, мерзавца, по морде. Ясно видно, что без рабства жить невозможно и что должен быть порядок. Сегодня объявлен указ, которым отобрали землю у крестьян и отдана помещикам и дворянству. Крестьянин и рабочий будет лишен всех прав и не смеет

уходить от тех владельцев, на чьей земле он сидит или работает. Для пролетарской сволочи отменены все свободы. Каждый рабочий должен ежедневно являться в полицию. Нам предоставлена полная власть над рабочим. Указом царя Колчака I введено телесное наказание, закование в кандалы и ссылка в Сибирь. Я говорил с несколькими фабрикантами. Они будут ходатайствовать перед Колчаком о разрешении им продавать рабочих по своему усмотрению.

У нас поселился один офицер Челябинского полка. Какая красота! Золото и ордена. Приказал мне, чтобы я при его вступлении в комнату кричал всей семье: «Встать, смиренно!» Боевой парень! Каждый день требует вина и порет своего денщика. Сегодня повешено перед собором 50 большевиков с женами и детьми. Вход на место казни один рубль в пользу георгиевских кавалеров. Да здравствует диктатура буржуазии!..

Вчера была у нас пирушка. Мой офицер расстрелял все зеркала и лампы, шашкой разбил всю посуду, разрезал себе руку, помазал кровью лицо и пел: «Боже, царя храни». Ночью видел везде большевиков и спрятался под кровать. К утру его увезли в больницу. Врач сказал, что это отравка алкоголем, который распространен среди народной армии...

Сегодня расстреляна в тюрьме третья партия политических заключенных. Разогнаны все профессиональные союзы. Да здравствует император Колчак II!. Говорят, что большевики во что бы то ни стало возьмут Уфу обратно. Господи, что будет, что будет... Говорят, что отрезали уже от Верхнеуральска путь на Златоуст, де-ваться некуда.

Проклятая авантюра Колчака...

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ

(Из полка Иисуса Христа)

Март (Златоуст).

Возлюбленные о Господе архипастыри, пастыри и все верные чады православной церкви российской вместе с Божьей милостью царем всероссийским Александром IV (Колчаком) объявили гоне-

ния на язычников-большевиков. Из нашей братии сформирован батальон, к которому прибавили два батальона из татар и башкир. Это полк Иисуса Христа.

Когда мы выехали из Челябинска, то купеческая публика на вокзале кричала нам: «Да здравствует капитализм!», «Вперед за православную веру!» Все татары и башкиры в нашем полку стройно ответили: «Ура!»

Март (Бирск).

Меня по милости Божьей назначили полковым адъютантом. Надеюсь, что приведу в порядок свои финансы, разоренные большевиками — гонителями церковнослужителей.

Отделением церкви от государства они лишили нас жалованья, говоря, что мы занимаемся не трудом, а обирательством. Поэтому мы, все священники, и собираемся вокруг Александра IV, Богом нам данного, собирателя и строителя новой монархии на святой Руси.

И да поможет ему Бог в этом великом деле, снизойдет на народную армию благословение Божие. В городе мы расстреляли несколько дюжин большевиков, с которых сняли сапоги и продали в полковой цейхгауз. Сегодня я высек несколько солдат, чтобы не забывали, что дисциплина — это страх Божий.

Апрель (Уфа).

Наш полк Иисуса Христа устроил погром на евреев. Всякий, кому дорога возобновленная родина и жизнь церковная, кто дорожит святым учением евангельским, кому дороги заповеди Христовы, шел бить евреев. Я сам зарубил шашкой на Центральной улице одну старушку.

Да укрепит нас Господь на служение правде Божьей и на славу временного сибирского правительства!

Апрель (Белебей).

В Белебее мы построили ряд виселиц. Да будут виселицы Александра IV истинной школой жизни, источником воды живой, которую Господь наш Иисус Христос дал нам в своем евангельском учении.

Май (Уфа).

На фронте торжествует Антихрист. Красные прогнали нас из Бугуруслана. Завтра устроит преосвященный епископ Андрей крестный ход по всему городу. После крестного хода будет опять еврейский погром, так как уфимский гарнизон, бригады уральских горных стрелков нуждаются в обмундировании.

Июнь (Уфа).

Мне кажется, что мы напрасно мобилизуем татар и башкир вокруг забытого алтаря православной церкви.

Наши сдали Мензелинск. Красные гонят нас по Каме. Им в плен попал один батюшка, служивший у пулемета в 27-м Челябинском полку, и они его вместо любви христианской расстреляли. Гонение жесточайшее воздвигнуто красными стрелками на армию царя Колчака. Вчера епископ Андрей в своей проповеди в соборе сказал: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить сдачу Уфы на поругание красным», а сегодня уже выехал из Уфы. В особом послании зовет нас последовать за ним, идти на подвиг страданий, в защиту святынь.

Наш эшелон отправляется завтра утром, в шесть часов, на Златоуст. Надеюсь, что Бог поможет и мы еще успеем расстрелять до утра последнюю партию заключенных красных в тюрьме.

Июль (Челябинск).

Мужайся, Александр IV! Иди на свою Голгофу! С тобой Крест святой, дворянство, купцы, офицеры и помещики. Твое войско, побиваемое красными, переходит на их сторону, но с тобой воинство небесное.

Красные взяли Уфу, Пермь, Кунгур, Красноуфимск, идут на Екатеринбург и подходят к Златоусту. «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце мое» (Плач Иеремии, гл. 2, ст. 11).

Эвакуируем Челябинск.

Июль (Омск).

Господи! Прости наш страх перед большевиками. Мы запуганы красными стрелками. Нас тревожит безвестный конец...

Эвакуируем Омск {Материал взят из подлинника. (Прим. автора.)}.

В МАСТЕРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В доме № 41 по Телеграфной улице во время пребывания в Уфе белых проживал священник Николай Андреевич Сперанский. Перед приходом наших он бежал, оставив в своем доме много всевозможных бумаг, плодов своей «неутомимой» работы.

Так как дом его теперь занят комитетом Иностранной партии (коммунистов-большевиков), то мне пришлось случайно натолкнуться на этот архив, который эта «черная ворона» оставила в своих письменных столах. Из оставленной корреспонденции видно, что священник Сперанский письменно сносился с полковником Василием Егоровичем Гогиным из ставки верховного правителя, руководителем издательства всевозможных воззваний против большевиков. И у священника Сперанского была целая фабрика таких антисоветских воззваний, за что он получал крупные суммы денег от Сибирского правительства. В своих воззваниях он окружал Колчака, верховного правителя, ореолом Божьего благословения, покрывая каждое его преступление. Этот верный пособник буржуазии писал так горячо, что сам полковник Василий Гогия прислал ему письмо, в котором советует ему не очень увлекаться, так как воззвания к крестьянам относительно сжигания на кострах своих комитетов слишком уж сильно написаны, хотя и желательны.

В том же письме полковник сообщает литературному инквизитору, что «Антихрист» очень понравился и что за это воззвание ему выслано денег 3500 рублей, притом просит исправить немножко его содержание и указать на то, что большевики отбирают имущество и драгоценности. Можно написать, что это сказано в Евангелии св. Марка, так как народ темный и ничего не разбирает! Любопытно было бы найти это воззвание. В письменном столе я нашел один экземпляр с надписью «Что говорит Священное Писание об Антихристе и какое дело его». Под этим подписано: «Для распространения среди войск освобожденной России. Подлежит расклеиванию на видных местах». Написано горячо, и все время приводятся ссылки на Священное Писание. Так, например, будто бы св. Иоанн в своем откровении говорит: «Придут комиссары, которые всем положат начертания на чело их, на руку их. Нико-

му нельзя будет ни продавать, ни покупать, если кто не имеет этого начертания». И далее следует: «Глава 13, ст. 12–16». Это, видимо, для достоверности. Затем приведен текст Священного Писания вообще о большевиках: «Они обещают свободу, отвергают начальство и злословят высокие власти (послан. Иуды, ст. 8), которыми является Сибирское правительство во главе с верховным правителем».

В одном из воззваний поп Сперанский пишет, что в каждого красноармейца нужно воткнуть несколько штыков, чтобы он умер, как собака, так как он предатель святой Руси.

Товарищи красноармейцы, помните хорошо эти слова, вышедшие из мастерской контрреволюции, и ловите всех этих злодеев в сибирской тайге.

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ

Везде в железнодорожных киосках в Восточной Сибири можно встретить империалистические газеты: английские — «Маньчжурян Дей Нью», «Руссиян Дей Нью», «Азиатик Нью Аженс» и французские — «Журналь де Пекин», «Журналь де Сибири».

Перед духовными очами всех господ редакторов этих иностранных газет яркой звездой горит только одна точка: Россия — в качестве страны со старым, царским строем, с генералами, капиталистами, губернаторами, городовыми, вокруг которых вертятся «союзники».

Что же препятствует осуществлению этих радостных для буржуазии дней? Русский рабочий и крестьянин, который хватает режиссеров из империалистического театра за руки и отбирает от них колчаковскую Сибирь и другие декорации и бутафории черносотенной «святой Руси». Поэтому роль всех этих английских, французских и американских газет на политическом рынке Лиги народов очень жалка.

Захудалый журнальчишко, скажем, «Азиатик Нью Аженс» или «Журналь де Пекин», лает на огромную пролетарскую революцию, лает на русского рабочего и крестьянина, который сегодня уже взял винтовку в руки, чтобы двинуться через Омск, Томск, Иркутск на Владивосток.

Журнальчишко предлагает буржуазии вязать большевикам руки и доставлять их к становому по всей Сибири в качестве «царских супротивников». Все эти английские и французские газеты врут не хуже белогвардейских. 7 мая сего года «Журналь де Пекин» сообщает, что Петроград занят финнами и что большевики и жители убежали в Москву. 13 мая «Азиатик Нью Аженс» сообщает, что Москва взята Петлюрой и польскими легионерами.

12 июня «Руссиян Дей Нью» успокаивает буржуазную публику тем, что войска адмирала Колчака вошли в Кремль.

Даже после падения Уфы и разгрома Колчака за Белой и под Златоустом «Руссиян Дей Нью» пишет 26 июня: «Армиями адмирала Колчака водворен полный порядок в центре России».

Все-таки известия о поражении Колчака дошли на Дальний Восток. И вот вдруг эти журналы, полные до тех пор победных гимнов, выкидывают флаг пароходных обществ.

Сразу появляются в газетах объявления: «Прямое сообщение пароходами через океан в Америку, Англию, Францию. Путь: Сан-Франциско — Вальпарайзо», «Общество “Дескур и Кабо” отправляет в кратчайший срок без очереди собственными пароходами в Японию, путь Иокогама...»

Итак, пароходное общество «Дескур и Кабо» является последним этапным пунктом для контрреволюции и буржуазии, бежавшей перед красной грозой... Все-таки эти газеты дают весьма интересные сведения о внутреннем положении империалистических хищников и об окончательно прогнившей Лиге Наций.

«Журналь де Пекин» приносит следующую телеграмму из Лондона: «Секретарь министерства морских дел Даниэль объявляет, что в интересах борьбы с большевизмом нужно учредить интернациональную полицию под контролем “Лиги народов”».

Не скучно читать эти газеты и есть над чем позабавиться. От интернациональных городских и сыщиков переходит «Журналь де Пекин» к вопросу о колониальной политике империалистов.

Тут доходит до драки. «Мы ваши, а вы наши, — обращается французский орган к английским приятелям из “Азиатик Нью Аженс”, — только бы вот насчет эксплуатации и ограбления Маньчжурии...»

То же самое говорит и американец японцу: «Мы ваши, а вы наши, только бы вот насчет пристани Киао-Чау и Шантунг, прошу не трогать». Старая формула разбойников при распределении добычи.

«Маньчжурян Дей Нью» печатает приказ генерала Кноха по английской заамурской бригаде:

«Так как солдаты Королевской Заамурской бригады самовольно желают пробраться во Владивосток, предупреждаю, что демобилизация частей внутренней охраны пока произведена не была.

Приказываю всем оставаться на своих местах до дальнейшего моего распоряжения и тщательно следить за всеми агитаторами». Само собой разумеется, что и русские палачи-генералы печатают в этих журнальчиках свои приказы, чтобы показать Англии и Франции, какие они молодцы.

Так, «Журналь де Пекин» печатает приказ казачьего атамана Иванова-Ринова из Владивостока:

«В ответ на террористические акты большевиков в окрестностях Владивостока приказываю всех подозреваемых в большевизме и пленных красноармейцев, содержаемых во владивостокской тюрьме, разбить на три группы.

Первую группу расстрелять с получением этого приказа, вторую и третью — постепенно, в случае возобновления покушений со стороны большевиков». Воспеванию таких зверств царских палачей посвящают эти «журналы» три четверти своих страниц.

Искал я в этих «журналах» сведения о чехословаках и нашел, что большевики при занятии партизанскими отрядами станции Тайга у Красноярска разбили чешский карательный отряд, где и пал чешский комендант станции Прагер. Дальше, что 12 мая умер чешский министр военных дел генерал Стефанек и что чешский добровольческий отряд отправился в Пекин, в Китай для охраны французского посольства.

Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать китайских кули во имя спасения славянства, родины и китайского «Учредительного собрания».

ВОПЛЬ ИЗ ЯПОНИИ

Есть такой английский буржуазный журнал под заглавием «Япан Адвертизер», издается он при дворе японского микадо в Токио. Если перевести все его статьи и вдуматься в их смысл, то ясно становится, что все они в один голос стараются доказать необходимость Амурской дороги и Амурского края для английского капитала и торговли. Это во-первых. Во-вторых, много пишут о том, что красный призрак большевизма бродит над Амуром.

Так, некий Давид Франси, бывший американский посол в Петрограде, сообщает английской дипломатии и банкирам, что в Петрограде большевики национализировали всех женщин и что жены комиссаров в Москве купают своих собак в шампанском.

Какой-то капитан Робен, член американской миссии в Сибири, пугает английских капиталистов и буржуев муравейниками.

«Если какой-нибудь американец или англичанин попадет в Сибири в руки большевиков, — пишет он, — то его ожидает следующая участь: большевики раздевают его догола и головой вниз, привязанного на кол, бросают в муравейник».

Кошмарная картина для английских капиталистов.

Пишут в этом журнале и представители нашего православного духовенства. Какой-то беженец, соборный протоиерей Г. Н. Круговой, обращается к епископам англиканской церкви, чтобы они предприняли крестовый поход против большевиков.

Но крестовый поход против большевиков — это вопрос, очень затруднительный для Антанты.

Из статей, перепечатанных в этом журнале из лондонской газеты «Таймс» и американской «Нью-Йорк Геральд», можно судить о настроении империалистов относительно «русского вопроса».

Так, «Нью-Йорк Геральд» сильно обеспокоен тем, что Англия, в силу торговых соглашений с Сибирским правительством, не помогла Японии укрепиться в Амурской области.

Английский «Таймс» сильно обеспокоен относительно золотых приисков на реке Лене.

Японская газета «Нычи-Нычи» чувствует себя не по себе относительно Америки и Англии, называя союзников своего микадо жадными до владений Сибирию, где торговля принадлежит японцам.

Сильно беспокоятся они также относительно Китая

Там, за Желтым морем, против острова Нипон, спит Китай, удара которого они боятся.

Это 400 миллионов обитателей Китая, нищих, голодных, о которых доктор Ку, представитель от Китая в Лиге народов, с тревогой пишет, что в один день все они станут в лагерь большевиков.

«Нужно принять серьезные меры, — плачет предатель китайского пролетариата доктор Ку. — Китай переполнен агитаторами-большевиками». Под этой статьей следует телеграмма: «Американский сенат в Вашингтоне предложил японскому генералу Кикизу Отана золотой орден за успешное ведение борьбы с большевиками в Маньчжурии!»

Мне бы хотелось написать в «Адвертизер»: «Господин редактор! Фронт всемирной революции расширяется и через золотые ордена генерала Кикизу Отаны. Эта линия революции пройдет и через Токио, Вашингтон и Лондон. Она раздавит в своем историческом продвижении и Бога, соборного протоиерея Кругового и империалистический купеческий мир. Это величайшее событие, которое только знает история, а человечество само определит свое развитие и без Вудро Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа, которые без вести пропадут в волнах всемирной революции».

ЧЕШСКИЙ ВОПРОС

Бешеная агитация против Советской власти среди чехо-войск ходом событий потерпела крушение. Судно чешской контрреволюции село на мель. «Гениальная» чуткость французского генерала Жанена, который руководил чешскими войсками, кончилась полным разгромом армии Колчака, капитуляцией польских легионов и сербских полков, признанием чехо-войсками Советской власти, расстрелом адмирала Колчака и др. «государственных людей» сибирского царства генералов, капиталистов и помещиков.

Договор чехо-войск с представителями Советской власти — это крах политики Антанты.

Стихийный переворот приблизил чехо-войска к развязке с союзниками. Руководители чешской контрреволюции растерялись. Чеш-

ские солдаты за полтора года научились немного мыслить и рассуждать.

Обманутые союзниками, которые им обещали в течение 18 месяцев пароходы для отправки на родину, предписывали им поддерживать Колчака, охранять Сибирскую магистраль, выступать против восставших рабочих и крестьян Сибири, они очутились в огненном кольце революционного пожара. Напрасно французский генерал Жанен грозил им, что в случае их отказа идти на фронт против большевиков Франция не даст больше ни франка Чехословацкой республике. Солдаты встретили офицеров, которые делали им это любезное предложение, лозунгом «добот», что в переводе значит «наплевать».

Сдвиг этих солдатских масс влево, разоблачения империалистической политики союзников ваводнилиэкстренныепоездалинии Иркутск-Чита-Владивосток политическими и военными представителями Чехословацкой республики. Удирали перед большевиками и перед своими солдатами. Бежали от красной грозы. Им стало уже невозможно появляться перед обманутыми своими земляками. Перепугались тел расстрелянных ими когда-то чешских коммунистов от Пензы и Самары до Владивостока. Чешские войска заключили договор с Советской Россией. Их борьба за Учредительное собрание кончается в эшелонах, в которых они пробираются в порт Владивосток. Чехословаков, которые находились в последнее время в армии, можно распределить на следующие группы:

1. Национальные «социалисты» — мелкобуржуазный элемент, крайне национальный. Они не социалисты. Дома, на родине, организовывали желтые союзы.

2. Чешские социал-демократы, соглашатели. Считают себя «передовыми» в рабочем чешском движении, но на деле часто тормозят социалистическое движение; они правее русских меньшевиков.

3. Чисто буржуазный элемент правозэсеровского типа — офицерство, чиновничество и интеллигенция. Здесь все буржуазные партии. И бывшие реалисты (лидером которых был профессор Масарик), и чешские кадеты (либералы-младочехи).

4. Насильно мобилизованные после известного контрреволюционного выступления чехословаков. Это элемент, который много обещает для пролетарской революции. В эту группу можно поместить и

сознательных рабочих-революционеров, они относились с презрением к союзникам. Ход событий нашел свой отклик в этих всех группах.

Группа 4-го типа встретила радостно переворот и победу Советской власти. Из 1-й и 2-й группы вышли и присоединились к 4-й группе более сознательные элементы, психологически обработанные этим переворотом. Третья группа очутилась в плачевном положении. Они выступили против Колчака, надеясь на эсеров и меньшевиков Восточной Сибири, на так называемый Центр, дабы затормозить продвижение пролетарской революции на Восток. Но это не удалось. Они были в положении генералов без армии.

К ПРАЗДНИКУ

Много тысяч верст прошла 5-я армия. Это была жесточайшая схватка с контрреволюцией в великой эпохе наших революционно-социалистических войн. Не страшны ни многочисленные полки отечественной контрреволюции, ни тяжелая артиллерия международного капитала.

Когда наемник иностранного капитала, адмирал Колчак, в апреле прошлого года наступал на Казань и Самару, представители союзников посылали телеграмму за телеграммой.

Лондонская газета «Таймс» в своей передовой статье высказывала пожелания и надежду, что Англия, поддерживая адмирала Колчака, поможет ему уничтожить Советскую власть.

Парижский «Тан» поздравлял адмирала с наступлением, обещая Колчаку всевозможную поддержку Франции для окончательного разгрома Советской власти. Представитель американских миллиардеров Вудро Вильсон телеграфировал: «Желаю доблестной армии адмирала Колчака разбить наголову своих врагов и обещаю всевозможную поддержку».

Так было в апреле 1919 года. В апреле 1920 года пишут эти же газеты: «Англии необходимо признать Советскую власть».

Победы Красной Армии, в том числе и 5-й армии, отбили у английских буржуев спесь и заставили их разговаривать о мире.

Советуем и японским дипломатам призадуматься над этим и помнить, что почетные знамена мы дарим железным армиям.

БЕЛЫЕ О 5-Й АРМИИ

Прощаясь с миром, сибирская реакция оставила нам память прошлого вроде своих белогвардейских газет с откликами о боевых действиях 5-й армии. В августе 1918 года, через месяц после появления 5-й армии, когда начинают белогвардейцы чувствовать опасность, появляется в «Вестнике Комитета Учредительного собрания»: «Красные собирают против нас крупные силы, чтобы взять опять Самару, Симбирск, Казань. Беженцы из Пензы сообщают, что большевики подвозят на фронт массу войск».

Немного позже, когда 5-я армия наступает на Казань, в той же газете пишет член Учредительного собрания Лебедев: «Большевики перешли в наступление на Казань, но я уверен, что они будут разбиты наголову и Казань будет для них роковой. Тут решается судьба большевизма».

Железные батальоны нашей армии взяли Казань, Симбирск, и правый эсер Фортунатов плачет в своей газете: «Казань и Симбирск залиты потоками крови. Против нас не стоят уже неорганизованные банды большевиков, они соорганизовались и взяли два города... Если мы и в будущее время встретим подобные попытки, мы будем поступать с такими людьми, как с государственными изменниками в военное время... Я уверен, что загубленная Россия возродится...»

В других белогвардейских газетах начинают появляться в сводках о фронте Учредительного собрания короткие, но весьма неприятные для белых сообщения о нашей армии: «Уфимский район. Противник продолжает наступать». «Власть народа» за 28 ноября 1918 года на одной странице о Западном фронте публикует: «Бугульминское направление. Сведений не поступало», и на другой стороне появляется первое воззвание адмирала Колчака, верховного главнокомандующего, к офицерам и солдатам русской армии, в котором мы встречаем, что кровавая армия германо-большевиков с примесью мадьяр и китайцев угрожает Уфе и что нужно спасти родину. «Я призываю вас сплотиться около меня как первого офицера и солдата, — говорит покойный адмирал. — Да поможет нам Господь Бог всемогущий». Но он не помог: наша армия вошла в Уфу.

Мы отступаем в марте из Уфы. «На Пасху будем в Москве» — название одной передовицы в «Отечественных ведомостях». Настро-

ение редакторов белогвардейских газет в то время бодрое, веселое. Шутят, как будут вешать в Москве и Питере рабочих и крестьянскую голытьбу. Их перо не может приостановиться. И когда наша армия уже опять наступает и берет Бугуруслан, Бугульму обратно, они все-таки пишут, что заняты Колчаком Самара, Казань, Инза, Симбирск, где расстреляны при попытке бежать все комиссары Совдепов. Это не мешает в том же номере поместить воззвание к русским гражданам оказать помощь беженцам из Бугуруслана, Давлеканово, Бугульмы. Наша армия переправляется через Белую и Каму, громит белых, вступает в Уфу и Златоуст.

Перечислить в то время плач и вопли белогвардейских газет не является возможным. Местами утешают статьями «О тяжелом положении большевистской армии»: «Из официальных источников передают, что армия находится в таком моральном состоянии, что не выдержит даже слабого натиска». Результатом нашего «панического страха» было то, что наша армия перешла Урал и заняла Челябинск.

Когда Колчак опять начал наступать к Тоболу, опять появляются в белогвардейских газетах статьи: «Наша армия победным маршем идет на Урал возвращать русскому народу матушку Москву».

Эти географические ошибки белых журналистов разбила 5-я армия одним ударом, вступив в Петропавловск и Омск. И пришлось белой журналистике писать, что уже Деникин взял Москву, а Юденич Петроград. Наша армия характеризуется в «Енисейском вестнике» как «красный зверь, ошалевший от голода в России, который безудержно двинулся в Сибирь». Конец приближается.

В «Енисейском вестнике» пишет епископ енисейский Назарий: «Верующей пастве церкви Енисейской настал последний час, когда решается вопрос, быть или не быть нам. Что всегда спасало русский народ в критические моменты его жизни? Вера в Бога. Облекитесь и вооружитесь верою. Я зову вас к всенародному покаянию перед Пресвятой Богородицей, исконной заступницей и спасительницей Святой Руси.

Да спасет вас она от окончательной гибели».

Но штыки 5-й армии оказались сильнее.

В день годовщины белогвардейская печать отошла в область истории. 5-я армия уничтожила и этого покойника реакции.

ЧЕМ БОЛЕН АППАРАТ ЭКСПЕДИЦИИ

Тов. Преображенский в «Правде», в статье «Как мы распределяем литературу», пишет: «Бумаги у нас мало, литературы для рабочих и крестьян мы издаем в очень ограниченном количестве экземпляров. Казалось бы, при таком положении мы должны были бы распределять литературу с наибольшей пользой для дела, между тем дело обстоит как раз наоборот».

То же самое можно сказать и про армию. Для всякого, кто наблюдает за работой экспедиций и как распределяется литература на местах, ясно, что аппарат экспедиции не налажен, несмотря на благоприятный период остановки армии, когда можно развернуть и усовершенствовать работу экспедиции и ликвидировать все недостатки прошлого периода, когда армия двигалась вперед и постоянно изменялось расположение линий, при этих условиях о правильном распределении, приеме и доставке литературы на место говорить не приходится. Главным злом в настоящее время является шаблон.

Экспедиция есть часть отдела снабжения, и с литературой поступают наравне с продуктами.

Нет никакой идейной разверстки. Все шаблон. На лицо в части столько-то и столько-то — полагается столько-то.

Экспедиция не принимает во внимание ни политического состояния части, ни нужды ячеек, ни грамотности, ни изголодавшихся по литературе. Экспедиция армии не имеет связи с аппаратом экспедиции на местах, и наоборот.

Как яркий пример последнего служит начальник экспедиции Подива, находящегося в одном городе с Поармом, который ни разу не был в экспедиции Поарма.

Экспедиция Поарма не имеет связи с железнодорожной администрацией, в результате чего многие начальники станций, как, например, на ст. Михайлове Утулик, отказываются от приемки литературы.

Не лучше обстоит дело и с некоторыми агитпунктами, как, например, на ст. Тайга, где никогда не бывает приемщика.

В Канске лежит литература по несколько дней, и, хотя там стоят несколько частей, не высылают приемщиков.

Связь с частями самая скверная, и многие относятся к литературе халатно. Экспедиции неизвестно расположение частей, и бывают случаи, что литература гонялась взад-вперед по линии жел. дороги.

Не так давно еще снабжались части в районе ст. Тайга литературой из центра, экспедицией Поарма из Иркутска, когда под носом находится в Новониколаевске отделение нашей экспедиции, и так в Тайгу попадала литература с задержкой на 12 дней. Что касается распределения литературы на местах, это самая печальная картина. Партийная литература попадает к людям, очень мало нуждающимся в таковой, — беспартийным военнотружущим штабов и только в самом ограниченном количестве к рядовым грамотным красноармейским массам и в ячейки, для широкого использования.

Именно печальна судьба центральных газет в штабах, командах. Они являются в руках беспартийных «тыловых крыс» оберточной бумагой для полученных продуктов из хозяйства.

Центр пишет, печатает, как говорит тов. Преображенский, для масс трудящихся, нуждающихся в знании, но литература не доходит по назначению. Вполне прав тов. Преображенский, что надо предавать суду тех, кто бессовестно отнимает у трудящихся масс литературу.

Эту угрозу мы должны исполнить на деле в армии, и мы исполним. Преследование таких несознательных обжор литературы есть залог оздоровления экспедиции на местах. Ячейки должны строго следить за тем, кому попадается литература, сколько получается из экспедиции Поарма и сколько приходит в часть.

Литература не смеет оседать, она должна быть в движении. С другой стороны, экспедиция армии должна вести и направлять работу экспедиционного аппарата в частях, инструктировать, иметь живую связь, контролировать. Укрепление и реорганизация экспедиционной базы Поарма должны быть равносильны укреплению экспедиции на местах.

Сама экспедиция Поарма должна сбросить с себя шаблон, не быть мертвым аппаратом цифр. Она должна быть строго согласована не только с точным сведением о численности и расположении частей, но главным образом с политической и культпросветработой в частях.

Она должна учитывать грамотность политического воспитания, классовый состав красноармейских масс в части и уяснить себе кривую снабжения частей литературой.

Информация, организационная часть и культпросвет Поарма должны ей дать материал и заставить ее идти по определенным путям, на которые оказывают решающее влияние жизненные нужды, а не мертвые цифры. То же самое должна она требовать и на местах.

Ярослав Гашек

Рассказы. Статьи и фельетоны

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 27.05.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Заказ № 0806920.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.